
**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА:
ГРАММАТИКА, СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА
THEORY AND HISTORY OF LANGUAGE:
GRAMMAR, SEMANTICS, PRAGMATICS**

*Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 30–41.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(7(513)):30-41.*

Научная статья

УДК 81'33

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-30-41

**АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
ДЕКОНКРЕТИЗАЦИИ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЛИЦА
В РАМКАХ СТРУКТУРЫ НЕМЕЦКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

Елена Михайловна Каргина

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия, kargina-elena@mail.ru,
0000-0002-2630-6302, Scopus ID 56548929200

Аннотация. В немецком языке существуют различные способы построения предложений со значением действия без указания на действующее лицо. Статья посвящена анализу лексико-грамматических средств деконкретизации действующего лица в рамках структуры немецкого предложения. Под термином «деконкретизация» в данной работе понимается отсутствие конкретного значения действующего лица в рамках предложения. Исследование выполнено на основе метода лингвистического наблюдения и описания с использованием методов контекстуального, сопоставительного и семантического анализа. Материалом исследования послужили произведения немецкой классической литературы. В статье приводятся два способа деконкретизации: 1) обозначение действующего лица лексическими средствами, лишенными конкретной семантики, употребляемыми в наиболее абстрактном и обобщенном значении лица; 2) построение предложений, где в рамках структуры в целом отсутствуют лексические средства, означающие или указывающие на действующее лицо. При рассмотрении первого способа деконкретизации автором подчеркивается, что лишенное собственного лексического значения местоимение *man* освобождается от семантической обусловленности и получает возможность заменять в предложении различные значения лица: от единичного конкретного через множественное конкретное до абстрактного обобщенного. Отмечается, что значения неопределенности и обобщенности не являются обобщенными грамматическими значениями, присущими сочетаниям *man* с какой-либо временной формой глагола, а обнаруживают себя в качестве потенциальных значений этой формы в зависимости от ситуации и контекста. В рамках второго способа деконкретизации автором выделяются и обосновываются 4 возможности реализации данного явления: 1) «одночленный» и «двучленный» пассив; 2) конструкции *sein + zu + инфинитив*; 3) конструкции *lassen + (sich) + инфинитив*; 4) глаголы восприятия с инфинитивом. В заключении отмечается, что в определенном контексте, где действуют различные ассоциации логического характера, не всегда возникает необходимость упомянуть при названии действия название действующего лица или такое упоминание бывает излишне.

Ключевые слова: структура немецкого предложения, деконкретизация действующего лица, лексико-грамматические средства, местоимение «*man*», пассивные конструкции, инфинитивные конструкции

Для цитирования: Каргина Е. М. Анализ лексико-грамматических средств деконкретизации действующего лица в рамках структуры немецкого предложения // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 30–41. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-30-41

Original article

ANALYSIS OF LEXICAL AND GRAMMATICAL MEANS OF DEONCRETIZATION OF THE ACTOR WITHIN THE STRUCTURE OF THE GERMAN SENTENCE

Elena M. Kargina

Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia, kargina-elena@mail.ru, 0000-0002-2630-6302,
Scopus ID 56548929200

Abstract. In German, there are various ways of constructing sentences with the meaning of action without specifying the actor. This article is devoted to the analysis of lexical and grammatical means of deoncretization of the actor within the structure of the German sentence. The term «deoncretization» in this work means the absence of a specific meaning of the actor within the sentence. The study was carried out on the basis of the method of linguistic observation and description using methods of contextual, comparative and semantic analysis. The research material was the works of German classical literature. The article provides 2 ways of deoncretisation: 1) designation of the actor by lexical means devoid of specific semantics, used in the most abstract and generalized meaning of a person; 2) construction of sentences, where within the structure as a whole there are no lexical means signifying or indicating the actor. When considering the first method of deoncretisation, the author emphasizes that the pronoun „man“, devoid of its own lexical meaning, is freed from semantic conditioning and is able to replace various meanings of a person in a sentence: from a single concrete through a multiple concrete to an abstract generalized one. It is noted that the meanings of uncertainty and generalization are not generalized grammatical meanings inherent in combinations of „man“ with any temporary form of the verb, but discover themselves as potential meanings of this form depending on the situation and context. As part of the second method of deoncretization, the author identifies and substantiates 4 possibilities for the implementation of this phenomenon: 1) «single-unit» and «double-unit» passive; 2) constructions «sein + zu + infinitive»; 3) constructions «lassen + (sich) + infinitive»; 4) perceptual verbs with infinitive. In conclusion, it is noted that in a certain context, where various logical associations exist, it is not always necessary to mention the name of the actor when naming an action or such a mention may be superfluous.

Keywords: structure of the German sentence, deoncretization of the actor, lexical and grammatical means, pronoun «man», passive constructions, infinitive constructions

For citation: Kargina EM. Analysis of lexical and grammatical means of deoncretization of the actor within the structure of the German sentence. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(7(513):30-41. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-30-41

Введение

Анализ лингвистической и методической литературы свидетельствует об актуальности исследования лексико-грамматических средств деонкретизации действующего лица в рамках структуры немецкого предложения (А.-М. Ариас, Т. В. Бохиева, Н. В. Бутылов, Т. А. Иванченко, Т. А. Кузьмина, А. Н. Мамедов, А. В. Неупокоева и др.).

Рассмотрение данной проблемы находит отражение в работах исследователей в следующих концептах: «деонкретизация действующего лица» (Р. И. Воронцов [5]), «неопределенная референция лица» (Т. А. Кузьмина [10]), «неопределенность лица» (А.-М. Ариас [3]), «языковые средства в неопределенно-референтном значении» (Т. А. Иванченко [8]), «обобщающая референция номинации лица» (А. В. Неупокоева [14]), «безагентные структуры (конструкции «без агенса»)» (И. М. Некрасова [13]), «безличность» (О. А. Березина [4]), «безличные конструкции (структуры, предложения, предика-

ты)» (Н. Н. Арват [2]), «скрытый субъект (категория)» (В. М. Кульгавая, А. А. Плисенко [11]), «бессубъектное предложение (бессубъектность)» (Д. Н. Овсянко-Куликовский [15]) и др. Изучение проблемы деонкретизации действующего лица в рамках структуры предложения проводилось как в отношении русского языка (Л. А. Бирюлин, П. А. Лекант, Ю. А. Пупынин, В. А. Петров, Н. Н. Арват и др.), так и в отношении других языков, в частности: английского (О. А. Березина, Ю. С. Игнатюк и др.), немецкого (А.-М. Ариас, Т. А. Иванченко, Н. В. Бутылов, Т. А. Кузьмина, Ц. Н. Шрайбер и др.), болгарского (И. С. Георгиев), польского (М. Лучик), сербского (С. А. Кабанова), обско-угорских языков (А. Н. Баландин).

Объектом исследования данной статьи является немецкое предложение со значением действия без указания на действующее лицо. Анализ профильной литературы свидетельствует о том, что исследование обозначенной проблемы проводилось преимущественно в контексте естественной разговорной коммуникации. Принимая во внимание

вывод о недостаточной изученности языковых средств с семантикой неопределенности лица с позиций коммуникативной лингвистики и прагматики, в качестве цели исследования нами обозначен анализ лексико-грамматических средств деконкретизации действующего лица в рамках структуры немецкого предложения в условиях художественного дискурса и их классификация на основе семантической и синтаксической общности.

В немецком языке существуют различные способы деконкретизации действующего лица в рамках структуры предложения. Термин «деконкретизация» понимается в данной работе как отсутствие конкретного значения действующего лица в рамках предложения.

Первый способ деконкретизации. Обозначение действующего лица лексическими средствами, лишенными конкретной семантики, употребляемыми в наиболее абстрактном и обобщенном значении лица. В качестве таковых используются местоимения и существительные, например *man*, *es*, *einer*, *nichts*, *alles*, *Mensch*, *Leute*, *alle Welt* и другие. Наиболее употребительным средством деконкретизации действующего лица в рамках структуры предложения является местоимение *man*. Что касается других используемых лексических средств, то речь может идти лишь о различной степени потери ими конкретной семантики и об их синонимии местоимению *man*.

Второй способ деконкретизации. Построение предложений, где в рамках структуры в целом отсутствуют лексические средства, которые означали бы или указывали бы на действующее лицо. Перечислим эти возможности:

1. «Одночленный» и «двучленный» пассив [12, С. 323].
2. Конструкции *sein* + *zu* + инфинитив.
3. Конструкции *lassen* + (*sich*) + инфинитив.
4. Глаголы восприятия с инфинитивом.

Во всех этих конструкциях логический субъект действия, обозначенного именной формой глагола: причастием или инфинитивом, обычно отсутствует. Те случаи, когда субъект обозначен, нами не рассматриваются.

Помимо указанного, существуют различные возможности для обозначения действия без указания на его логический субъект с помощью именных форм глагола, инфинитивов и причастий.

Материалы и методы исследования

Основополагающим методом исследования стал метод лингвистического наблюдения и описания с использованием методов контекстуально-

го, сопоставительного и семантического анализа. Материалом исследования послужили произведения немецкой классической литературы, в частности работы В. Бределя, Б. Брехта, И. В. Гёте, О. Людвига, Г. Манна, Т. Манна, Э. М. Ремарка, Л. Фейхтвангера, Т. Фонтане, Ф. Шиллера и др.

Способы деконкретизации действующего лица в рамках структуры немецкого предложения

1. Предложения с подлежащим «*man*»

Анализ лингвистической литературы свидетельствует о том, что смысловая многозначность предложений с *man* обычно связывается с многозначностью самого местоимения *man*, конкретное значение которого устанавливается в контексте [23, с. 172–182]. Местоимение *man* произошло из слова с конкретным значением, которое полностью утратило свое номинативное и сохранило лишь сигнификативное значение (указывает на то, что деятель — человек). Подобное свойственно и другим неопределенным местоимениям, в состав которых входит корень *man(n)*: *jedermann*, *jemand*, *niemand*.

Вследствие этого местоимение *man* сочетается только с личными глаголами (*persönliche Verba*), т.е. такими, которые обозначают действие, производимое человеком.

Слово *man* перешло в разряд местоимений, т.е. слов, которые, по мнению И. Эрбена, сами не обозначают понятий, а являются «бедными» по семантике словоформами, содержание которых полностью раскрывается лишь при соотношении их в контексте с тем понятием, которое подразумевается под этим словом [21, с. 135–136].

В отличие от однозначных слов, например существительных, прилагательных (*Autosemantika*), местоимения являются соотнесенными словами (*Synsemantika*).

Определяя местоимения, И. Эрбен пишет: «*Sie sind also grössenbezügliche Formwörter mit situationsbestimmtem Funktionswert*» [21, с. 136].

Однако в немецких грамматиках не раз указывалось на неполный местоименный характер *man* и на не совсем утраченную им связь с существительным.

Отличительные особенности местоимения *man* (а также *jemand*, *niemand* и других, в состав которых входит *man*) отмечает, например, Л. Зюттерлин: «*Was man früher als unbestimmte Fürwörter zusammenfasste, das sind meist keine Fürwörter, sowohl nach der Bedeutung als auch nach ihrer Formänderung. Die Wörter man, jemand, niemand...*

sind vielmehr Dingwörter (Hauptwörter) oder Umfangsbezeichnungen (Zahlwörter) mit allgemeiner Bedeutung, die zufällig in ihrer Form erstarrt sind» [24, с. 106].

Более правильным представляется включение этих слов в разряд местоимений, так как они обладают основным местоименным признаком — синсемантией и способны выступать в синтаксических функциях местоимений.

Грамматическая характеристика местоимения *man* устанавливается внутри структуры предложения на основе его синтаксической функции подлежащего и согласования с глаголом — сказуемым [10, с. 87]. Формально местоимение *man* обладает категориями именительного падежа, 3 лица, единственного числа. Не имеет оно лишь категории рода.

Фактически местоимение *man* способно заменять названия лиц, независимо от их лица, рода, числа. Такой универсальностью употребления не обладает ни одно местоимение. Это дало возможность Д. Н. Овсяннику-Куликовскому выделить местоимение *man* по соотносительности с лицом из всех других местоимений и отнести его к 4 лицу (неопределенное лицо) [15, с. 110–111].

Местоимение *man*, выступая всегда в роли главного члена предложения, не несет ударения и коммуникативной нагрузки. Даже в тех случаях, когда оно вводит новое, незнакомое лицо, оно содержит значение известного, данного, а именно того, что деятель — человек. Такая особенность позволяет использовать данное местоимение тогда, когда нужно полностью отвлечься от содержания подлежащего, сосредоточив внимание на других членах предложения. В контексте местоимения *man* может указывать на все три лица единственного и множественного числа.

Контекстуальное значение *man* не совпадает с его грамматическим значением. Такая зависимость грамматических явлений внутри предложения от широкого контекста наблюдается и на примере артикля, где употребление того или иного его вида зависит часто от контекстуальной, а не от внутривидовой определенности. Это свидетельствует о широком значении категории определенности и неопределенности, присущей предметной соотносительности существительных в немецком языке, которая как бы проецируется и на местоимения, выражающие эту предметность более абстрактно.

При выходе за пределы предложения в широкий контекст можно уточнить также значение местоимения *man* в отношении числа лиц, которое

оно заменяет. При этом грамматическое значение единственного числа часто вступает в противоречие с контекстуальным значением множественности, обобщенности лица.

Сравним различные контекстуальные значения *man* в следующих примерах:

„Diesem Eindruck konnte *man* sich unmöglich entziehen, und Effi hatte denn auch nicht gesäumt, ihrer Freude lebhaften Ausdruck zu geben.“ (Th. Fontane, Effi Briest)

Или:

„Gewiss *man* muss essen, um zu leben. Aber *man* hat noch nicht gelebt, wenn man gegessen hat.“ (B. Brecht, Dreigroschenroman)

Как видим, местоимение *man* выступает, с одной стороны, как средство деонкретизации (неопределенности) лица или лиц, а с другой — как средство обобщения лиц. Эти две функции местоимения *man* тесно связаны между собой.

Лишенное собственного лексического значения местоимение *man* как бы освобождается от семантической обусловленности и получает возможность заменять в предложении различные значения лица: от единичного конкретного через множественное конкретное до абстрактного обобщенного. При этом подобная отнесенность нормируется лишь логическими ассоциациями линейного характера (т. е. она раскрывается предыдущим или последующим контекстом).

Очевидно, местоимение *man* в способах выражения соотносительности с предметами реальной действительности, свойственной немецкому языку, а также в системе местоимений занимает особое место. Оно становится формальным признаком лица и частично сближается в этом смысле с безличным *es* как формальным подлежащим. Однако в отличие от формального подлежащего *es* местоимение *man* не теряет своего предметного содержания, «а именно лица неопределенного и обычно обобщенного, как бы множественного» [1, с. 109].

Подлежащее *man* в различных логико-грамматических типах предложений [1, с. 103] сочетается с различными видами сказуемого и имеет соответственно различное логическое содержание. Имеются следующие сочетания такого рода:

1. *Man* + глагольное сказуемое в действительном залоге:

„Ihr bot man die Prinzessin als Schwiegertochter an, inzwischen versöhnte man sich mit Philipp von Spanien.“ (H. Mann, Die Jugend des Königs Henri Quarte).

2. **Man** + глагольное сказуемое в страдательном залоге:

„Da oben auf den Sitzen kann man von der Strasse aus gesehen werden!“ (Th. Mann, Buddenbrooks)

3. **Man** + именное сказуемое:

„Was ist man selbst?“ (E. M. Remarque, Der schwarze Obelisk)

„Da war man also zu viere.“ (L. Feuchtwanger, Die Füchse im Weinberg)

Лишь в первом случае *man* имеет логическое значение носителя действия (логического субъекта, агенса).

Во втором случае местоимение *man* обозначает логический объект действия (пациент). Логический субъект действия здесь, как и в других пассивных предложениях, может выступать только в форме предложного дополнения. При отсутствии такого дополнения предложение содержит лишь значение действия без указания на действующее лицо, подобно «двучленной» пассивной конструкции.

В третьем случае местоимение *man* является носителем различных оттенков состояния.

Структурный тип предложения с *man* в немецком языке способен передавать многочисленные оттенки неопределенности и обобщенности лица. В русском языке эти оттенки передаются разнообразными типами предложений: неопределенно-личными, обобщенно-личными, безличными и т.д. Неоднократно делались попытки разделить предложения с *man* по аналогии с русским языком на два типа предложений: неопределенно-личные и обобщенно-личные.

И. А. Цыганова, предложив считать оба типа предложений омонимичными по форме, признает несколько позже: «В связи с обобщенностью грамматической формы предложения немецкого языка с подлежащим *man* могут быть расценены как неопределенно- или обобщенно-личные, по-видимому, лишь с точки зрения их значения и их функционирования в языке, в то время как разделение их на два формально-грамматических типа предложения вряд ли может быть признано правомерным» [18, с. 164].

Последовательно подобное деление предложений с *man* на два типа: неопределенно-личные и обобщенно-личные — проводится в работах З. А. Дерезкой [6].

Исходя из наличия у предложений с *man* семантики неопределенности и обобщенности действующего лица, автор прослеживает, каким сочетаниям сказуемого с местоимением *man* присущи первое и второе значение. Таким путем выде-

ляется ряд структурных признаков неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений.

Так, например, значение неопределенности бывает присуще главным образом сочетаниям *man* с глаголом в претерите, значение обобщенности — сочетаниям *man* с глаголом в презенсе или с модальными глаголами и т.п. сочетания, в которые входят *man* и модальный глагол с инфинитивом, являются, по мнению автора, «наиболее характерной чертой сказуемого обобщенно-личных предложений» [6].

Однако значения неопределенности и обобщенности не являются обобщенными грамматическими значениями, присущими сочетаниям *man* с какой-либо временной формой глагола, а обнаруживают себя в качестве потенциальных значений этой формы в зависимости от ситуации и контекста.

Перейдем к рассмотрению типов предложений, в которых полностью отсутствует название действующего лица.

В определенном контексте, где действуют различные ассоциации логического характера, не всегда возникает необходимость упомянуть при названии действия название действующего лица. Иногда такое упоминание бывает излишне, так как название лица уже содержится в широком контексте, или же лица «не будучи упомянуты в контексте, представляются автору данными в силу своей связи с другими, уже упомянутыми фактами или в силу своей общеизвестности» [15, с. 92].

2. Предложения с глаголом в пассиве

В пассивных предложениях может отсутствовать указание на лицо, производящее действие глагола-сказуемого. Это зависит от общей структуры пассивных предложений. Становясь не главным, а второстепенным членом предложения, название деятеля может выбывать из его структуры, не нарушая принципа двусоставности.

Пассивные конструкции без дополнения, обозначающего действующее лицо, рассматриваются лингвистами как близкие или равные по значению предложениям с *man*.

«Wo man zu einem Prädikat kein bestimmtes Subjekt angeben kann oder mag, aber doch voraussetzt, dass es sich um die Tätigkeit einer oder mehrerer Personen handelt, wendet man als Subjekt *man* an. Gleichwertig damit kann die passive Konstruktion verwendet werden» [22, с. 29].

О. И. Москальская считает, что «главной сферой употребления форм страдательного залога являются предложения, в которых говорится

о каком-либо действии без указания на деятеля» [12, с. 323].

Структурные типы неопределенно-личного предложения с *man* и предложения со сказуемым в форме страдательного залога несут, по мнению О. И. Москальской, аналогичные функции. Различаются же они коммуникативным содержанием и стилистическими условиями употребления [12, с. 24–25].

В отечественной лингвистике отвергается взгляд на пассивную конструкцию как на «перевернутую» форму (*Umkehrform*) активной [1, с. 263], хотя отмечается тесная соотнесенность обеих конструкций в языковой структуре с точки зрения отражения отношений реальной действительности (субъектно-объектных отношений). В. Г. Адмони считает, что данные типы предложений различаются «не только изменением исходного пункта в познавательной установке, но и... выражением субъектно-объектного отношения» [1, с. 132].

В. Г. Адмони усматривает в обеих конструкциях различия грамматического характера, О. И. Москальская — различия более внешнего характера, которые, по мнению Е. И. Шендельс, не находят своего формального выражения в языке в особых грамматических формах и относятся к «третьему слою значений»: «Если лексическое значение считать первым слоем значений, а грамматические значения — вторым, то актуальное членение и стилистическая окраска представляют собой уже третий слой, который не имеет в своем распоряжении собственных формальных средств, а заимствует их у первых двух слоев» [19, с. 96].

Более подробно на различиях в субъектно-объектных отношениях для активного и пассивного залога останавливается В. Н. Жигадло [7, с. 59]. Основное грамматическое отличие действительной конструкции от страдательной автор работы усматривает в том, что в них по-разному представлено отраженное в их формах одно и то же объектное отношение, т.е. реальное действие в его отношении к объекту этого действия. «Для глагола в страдательном залоге его объектное отношение составляет содержание той связи, которая возникает между подлежащим и сказуемым, устанавливая между ними предикативное отношение, для глагола же в действительном залоге то же отношение к объекту вынесено за пределы выраженного формой глагола предикативного отношения» [7, с. 60].

В связи с указанным различием В. Н. Жигадло считает предложения с глаголом в действительном

и страдательном залоге не тождественными друг другу при противопоставлении залоговых форм. И хотя автор допускает взаимозамену при перестроении залоговой формы (лишь для трехчленных структур), однако считает, что «при замене одной структуры другой те же отношения оказываются иначе представленными и выраженное ими содержание целого измененным» [7, с. 61].

Двухчленное же предложение с глаголом в страдательной форме, по мнению автора, «не обратимо в предложение с глаголом в действительном залоге, так как в двухчленном предложении отсутствует указание на производителя действия, обязательное для предложения с глаголом в действительном залоге» [7, с. 61].

Взаимозаменяемость обеих структур, считает автор, существует как теоретический формальный прием, помогающий путем сопоставления конструкций вскрыть особенности страдательного залога.

В книге «*Stilistische deutsche Grammatik*», где делается попытка определить стилистические функции грамматических форм, ее автор, В. Шнейдер, определяя общее смысловое различие между активной и пассивной формой, пишет: «*Passiv macht die Stelle, worauf die Handlung zielt, zur Stelle, wo sie sich vollzieht*» [23, с. 260].

Здесь подчеркивается тот факт, что в активной форме выражается направленность действия на предмет путем употребления прямого дополнения после переходного глагола и отсутствие такой ярко выраженной направленности у тех же глаголов в пассивной форме, где предмет, на который направлено действие, становится подлежащим. Направленность действия устанавливается логически, т.е. по смыслу, на передний план выдвигается действие, характер его протекания.

Для пассивных конструкций, так же как и для предложений с *man*, имеется возможность установить связь действия с его субъектом на основе широкого контекста.

Такая связь очевидна, когда в предложении со сказуемым в пассиве имеется дополнение с предлогом *von* или *durch*, содержащее указание на действующее лицо [19, с. 131].

Дополнение с предлогом *durch* не характеризует деятеля со стороны лица, если это дополнение есть отглагольное существительное, обозначающее действие того же самого действующего лица. Характер предложения остается неопределенно-личным.

„*Zur Taktlosigkeit nämlich wurde es gemacht durch das Unbehagen, das verdriesslich errötende*

Sich-Abwenden, mit dem er sich aufnahm.“ (Th. Mann, Doktor Faustus)

Для «одночленной» и «двучленной» пассивных конструкций носитель действия может быть установлен при обращении к широкому контексту. Деятель (агенса) не всегда при этом является лицом. Действие, обозначенное пассивной формой, может соотноситься с названиями предметов, явлений природы и т.п. Такие предложения не могут сравниваться или заменяться в речи предложениями с *man*.

Неопределенно-личным значением деятеля обладают лишь пассивные конструкции от личных глаголов. При этом действие, выраженное такими глаголами, производится человеком или людьми, не названными в предложении. Однако не все личные глаголы употребляются в пассиве.

Пассивные конструкции, синонимичные предложениям с *man*, могут образовываться, таким образом, от личных глаголов, способных образовывать пассивную форму.

3. Предложения со сказуемым, выраженным сочетанием *sein + zu + инфинитив*

Имеется ряд работ, посвященных подробно рассмотрению конструкций *sein + zu + инфинитив* [16; 17]. Остановимся на характере субъектно-объектных отношений внутри этих конструкций.

В диссертации И. М. Смолянского конструкции *sein + zu + инфинитив* различаются по наличию в них модального значения долженствования и возможности.

Конструкции *sein + zu + инфинитив* со значением долженствования противопоставляются в залоговом отношении конструкциям *haben + zu + инфинитив* как пассивные активным. Отмечается отсутствие подобной противопоставленности у конструкций *sein + zu + инфинитив* со значением возможности [17].

Автор подчеркивает соответствие конструкций *sein + zu + инфинитив* с модальным оттенком долженствования «основным типам употребления страдательного залога (без указания деятеля, с указанием деятеля при помощи *von* + дательный падеж и в безличной конструкции с концентрацией внимания на самом действии)» [17, с. 13].

Вопрос о залоговых различиях внутри самих конструкций *sein + zu + инфинитив* не рассматривается.

Особенностями, присущими пассиву [19, с. 132], обладают конструкции *sein + zu + инфинитив* с обоими модальными оттенками:

а) необходимости (долженствования):

„Hier ist zu erwähnen, dass Tony Buddenbrook in diesen Jahren zwei mecklenburgische Güter besuchte.“ (Th. Mann, Buddenbrooks);

б) возможности

„Auch er wollte dem Ankömmling verbergen, was nicht zu verbergen war.“ (O. Ludwig, ZwischenHimmelundErde)

По-видимому, модальные различия не влияют на характер субъектно-объектного отношения внутри предложений данного типа. Модальное значение необходимости (долженствования) или возможности различается контекстуально, на основе общего значения предложения.

Конструкции *sein + zu + инфинитив* имеют все же несколько ослабленное значение залоговости по сравнению с пассивом. Этим объясняется возможность образования конструкций *sein + zu + инфинитив* от некоторых глаголов, которые в пассив не употребляются (*haben, bekommen*):

„Sie sind da oben ganz einfach nicht dafür zu haben, sie aufzuheben.“ (Th. Mann, Buddenbrooks)

А также возможность употребления при конструкциях *sein + zu + инфинитив* дополнения с *für* для обозначения действующего лица:

„Was für ihn zu erreichen war.“ (Th. Mann, Buddenbrooks)

Существенным различием между конструкциями *sein + zu + инфинитив* и пассивом является неспособность последнего передавать модальные оттенки возможности и необходимости (долженствования).

Предложения с сочетаниями *sein + zu + инфинитив*, в которых отсутствует указание на действующее лицо, соответствуют по значению модальности предложениям с *man*, где в состав сказуемого входит модальный глагол.

Сходно с конструкциями *sein + zu + инфинитив* сочетание безличного оборота *es gibt + zu + инфинитив*. В таких предложениях утверждается или отрицается наличие объекта действия, причем сам этот объект носит чрезвычайно неопределенный характер:

„Mein Lieber, da gibt es nicht viel zu verleumden.“ (Th. Mann, Doktor Faustus)

4. Глаголы восприятия с инфинитивом (предложения, построенные по типу конструкций «*accusativuscuminfinitivo*», в которых отсутствует дополнение в аккузативе — субъект действия инфинитива)

Более сложные субъектно-объектные отношения можно наблюдать в конструкциях, где есть два полных глагола, обозначающие два действия, совершаемые различными деятелями,

а именно в конструкциях «*accusativus cum infinitivo*».

В конструкциях данного типа объединяются два процесса [12, с. 353]:

Karl hört seine Schwester singen.

Дополнение в аккумулятиве к глаголу восприятия является субъектом действия второго глагола, стоящего в инфинитиве.

Ср. Karl hört, wie seine Schwester singt.

Дополнения в аккумулятиве иногда не употребляются. Тогда в предложении название субъекта действия инфинитива оказывается отсутствующим. Получается как бы неполная конструкция «*accusativus cum infinitivo*»:

„Es waren durchreisende Spielleute, er hatte schon von ihnen sprechen gehört.“ (J. W. Goethe, Wilhelm Meisters theatralische Sendung);

„Boisen schreckte aus seinem Sinnen auf, er hatte seinen Namen rufen hören.“ (W. Bredel, Ein neues Kapitel).

Субъект действия глагола восприятия при этом назван, субъект действия инфинитива в указанных примерах отсутствует. Конструкции подобного рода сходны с нижеуказанными конструкциями с *lassen*.

5. Предложения, в состав которых входит *lassen* + (sich) + инфинитив

Глагол *lassen* относится к числу глаголов, с которыми употребляется конструкция «*accusativus cum infinitivo*» [22, с. 103].

„Sie verlangten von dem Mann, daß er uns weitertrudeln liess.“ (E. M. Remarque, Drei Kameraden)

Логические взаимосвязи между членами конструкции *erliessunsweitertrudeln* — такие же, как и в конструкциях «*accusativus cum infinitivo*». Конструкция «*accusativus cum infinitivo*» после глагола *lassen* не имеет широкого распространения, так как в современном немецком языке стало правилом опущение винительного к *lassen*.

Случаи отсутствия логического субъекта действия инфинитива вызваны причинами коммуникативного характера.

Из сочетаний *lassen* + (sich) + инфинитив следует особо выделить группу с модальным оттенком возможности совершения действия, обозначенного инфинитивом, над субъектом предложения. В этом случае подлежащее бывает выражено существительным или местоимением, носящим вещественный характер. Субъект действия инфинитива, название которого обычно отсутствует в таких сочетаниях, носит потенциально-личный характер.

„Das finstere Gesicht, das er Ihnen ganz zuverlässig zeigt, lässt sich ebenso gut auf die Rechnung der Braut schreiben, die sie ihm zuführen, als derjenigen, die sie ihm nehmen.“ (F. Schiller, Kabale und Liebe)

Данные конструкции имеют пассивное значение: подлежащее в них является логическим объектом действия, обозначенного инфинитивом.

6. Именные формы глагола

Русские (В. В. Виноградов, О. И. Москальская, Д. Н. Овсянко-Куликовский) и зарубежные (Г. Бек, Х. Бринкманн) лингвисты указывают на способность именных форм сохранять потенциальную отнесенность к лицу. Так, например, Д. Н. Овсянко-Куликовский писал: «Для того, чтобы данная форма могла быть названа глаголом, ей вовсе не нужно иметь определенное личное окончание, а вполне достаточно точно иметь отношение к лицу, хотя бы и неизвестному вне контекста» [15, с. 87–88].

На наличие логического субъекта у именных форм глагола указывает также Г. Бек:

«Nichtsdestoweniger spricht man bekanntlich mitunter vom «logischen subj.» (oder «agens») eines infinitivs oder partizips... Diese grössen pflegt man auf rein intuitiv-semanticem Wege zu identifizieren» [20, с. 31].

В данной статье не представляется возможным рассмотрение вопроса о потенциальной отнесенности к лицу именных форм глагола в различных функциях и сочетаниях. Употребленные вне состава глагольного сказуемого именные формы приобретают большую синтаксическую самостоятельность, а вместе с этим способность становится новым центром предикации. В. Г. Адмони отмечает возможность образования группы глагола при инфинитиве и причастии, однако указывает, что вопрос о субъектно-объектных отношениях в данных группах «совсем еще не разработан в немецкой грамматике» [1, с. 320].

Инфинитивы и причастия могут использоваться в некоторых типах предложений императивного характера, где деятель не называется [22, с. 159].

По значению и характеру связи действия с действующим лицом эти предложения сопоставимы с повелительными и поэтому не могут рассматриваться как синонимичные предложениям с *man*.

Из всех перечисленных возможностей построения предложений со значением действия без указания на действующее лицо некоторые давно привлекали к себе внимание исследователей (например, конструкции с *man* и пассивные), в то время как другие затрагивались в этой связи

значительно реже и еще ждут своего подробного освещения.

Заключение

Таким образом, проанализировав лексико-грамматические средства деонкретизации действующего лица в рамках структуры немецкого предложения, следует сделать следующие выводы:

1. В немецком языке существуют различные способы деонкретизации действующего лица в рамках структуры предложения. Под термином «деонкретизация» в данной работе понимается отсутствие конкретного значения действующего лица в рамках предложения.
2. Первым способом деонкретизации является обозначение действующего лица лексическими средствами, лишенными конкретной семантики, употребляемыми в наиболее абстрактном и обобщенном значении лица. В качестве таковых используются местоимения и существительные, например *man*, *es*, *einer*, *nichts*, *alles*, *Mensch*, *Leute*, *alle Welt* и другие. Наиболее употребительным средством деонкретизации действующего лица в рамках структуры предложения является местоимение *man*.
3. Местоимение *man*, лишенное собственного лексического значения, освобождается от семантической обусловленности и получает возможность заменять в предложении различные значения лица: от единичного конкретного через множественное конкретное до абстрактного обобщенного. Значения неопределенности и обобщенности не являются обобщенными грамматическими значениями, присущими сочетаниям *man* с какой-либо временной формой глагола, а обнаруживают себя в качестве потенциальных значений этой формы в зависимости от ситуации и контекста.
4. Вторым способом деонкретизации является построение предложений, где в рамках структуры в целом отсутствуют лексические средства, которые означали бы или указывали бы на действующее лицо. Вариантами реализации данного способа являются: 1) «одночленный» и «двучленный» пассив; 2) конструкции *sein* + *zu* + инфинитив; 3) конструкции *lassen* + (*sich*) + инфинитив; 4) глаголы восприятия с инфинитивом.
5. В пассивных предложениях может отсутствовать указание на лицо, производящее действие глагола-сказуемого. Это зависит

от общей структуры пассивных предложений. Становясь не главным, а второстепенным членом предложения, название деятеля может выбывать из его структуры, не нарушая принципа двусоставности. Пассивные конструкции без дополнения, обозначающего действующее лицо, рассматриваются лингвистами как близкие или равные по значению предложениям с *man*.

6. Предложения с сочетаниями *sein* + *zu* + инфинитив, в которых отсутствует указание на действующее лицо, соответствуют по значению модальности предложениям с *man*, где в состав сказуемого входит модальный глагол. Сходно с конструкциями *sein* + *zu* + инфинитив сочетание безличного оборота *es gibt* + *zu* + инфинитив. В таких предложениях утверждается или отрицается наличие объекта действия, причем сам этот объект носит чрезвычайно неопределенный характер.
7. Глагол *lassen* относится к числу глаголов, при которых встречается конструкция «*accusativus cum infinitivo*». Случаи отсутствия логического субъекта действия инфинитива вызваны причинами коммуникативного характера. Из сочетаний *lassen* + (*sich*) + инфинитив следует особо выделить группу с модальным оттенком возможности совершения действия, обозначенного инфинитивом, над субъектом предложения. В этом случае подлежащее бывает выражено существительным или местоимением, носящим вещественный характер. Субъект действия инфинитива, название которого обычно отсутствует в таких сочетаниях, носит потенциально-личный характер.
8. Глаголы восприятия с инфинитивом представляют собой предложения, построенные по типу конструкций «*accusativus cum infinitivo*», в которых отсутствует дополнение в аккузативе — субъект действия инфинитива. Дополнение в аккузативе к глаголу восприятия является субъектом действия второго глагола, стоящего в инфинитиве. Дополнения в аккузативе иногда не употребляются, при этом в предложении название субъекта действия инфинитива оказывается отсутствующим, что приводит к появлению неполной конструкции «*accusativus cum infinitivo*». Субъект действия глагола восприятия при этом назван, субъект действия инфинитива отсутствует.

Список источников

1. Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1955. 392 с.
2. Арват Н. Н. Семантическая структура безличных предложений в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1975. 58 с.
3. Ариас А.-М. Особенности функционирования языковых средств с семантикой неопределенности лица в немецком языке / А.-М. Ариас, Т. А. Иванченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78). С. 58–61.
4. Березина О. А. К вопросу о языковой репрезентации категории безличности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 4 (025). С. 39–51.
5. Воронцов Р. И. Местоимения деонкретизации в толковых словарях русского языка // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 501. С. 5–13.
6. Дерещкая З. А. Развитие неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений в немецком языке : автореф. дис. ... канд филол. наук. Л., 1963. 14 с.
7. Жигадло В. Н. Современный английский язык: Теоретический курс грамматики / В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. 349 с.
8. Иванченко Т. А. Языковые средства, выражающие неопределенную референцию лица в художественном тексте // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2016. № 2 (54). С. 18–23.
9. Каргина Е. М. Функциональный принцип в методике обучения иностранным языкам // Вестник ПГУАС: строительство, наука и образование, 2016. № 1 (2). С. 84–89.
10. Кузьмина Т. А. Стилистические и прагматические функции неопределенной референции лица в художественном тексте: на материале немецкого языка : автореф. дис... канд. филол. наук. СПб., 2004. 20 с.
11. Кульгавая В. М., Плисенко А. А. К вопросу о скрытых категориях в языке // Вестник ИрГТУ. 2013. № 4 (75). С. 267–270.
12. Москальская О. И. Грамматика немецкого языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. 393 с.
13. Некрасова И. М. «Безагентные» структуры: пассив и не только : монография. Пермь : ПГГПУ, 2016. 144 с.
14. Неупокоева А. В. Дискуссия об «обобщающей» референции номинаций лиц мужского рода в немецком языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 74–1. С. 365–368.
15. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912. 322 с.
16. Попова Н. В. Сочетания *haben + zu + инфинитив* и *sein + zu + инфинитив* в современном немецком языке и способы их перевода на русский язык : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1954. 16 с.
17. Смолянский И. М. Развитие формы долженствования в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1961. 18 с.
18. Цыганова И. А. Предложения немецкого языка с подлежащим *man* и основные способы их перевода на русский язык // Учёные записки ЛГУ. 1959. № 253. Вып. 45. С. 114–121.
19. Шендельс Е. И. Грамматика немецкого языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1952. 368 с.
20. Bech G. Studien über das deutsche verbum infinitum. Kobenhavn, 1955. 312 s.
21. Erben J. Abriss der deutschen Grammatik. Berlin: Akademie-Verlag, 1960. 208 s.
22. Paul H. Deutsche Grammatik. Bd.3. Halle, 1955. 472 s.
23. Schneider W. Stilistische deutsche Grammatik. Basel, Freiburg, Wien, 1959. 276 s.
24. Sütterlin L. Die deutsche Sprache der Gegenwart. Leipzig, 1960. 451 s.

References

1. Admoni VG. Vvedenie v sintaksis sovremennogo nemeckogo jazyka = Introduction to the syntax of the modern German language. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannykh jazykakh; 1955. 392 p. (In Russ.).

2. Arvat NN. Semanticheskaya struktura bezlichnyh predlozhenij v sovremennom russkom literaturnom yazyke = Semantic structure of impersonal sentences in modern Russian literary language. Abstract of thesis. Moscow; 1975. 58 p. (In Russ.).
3. Arias AM., Ivanchenko TA. Features of the functioning of linguistic means with the semantics of person uncertainty in German. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2017;12(78):58-61. (In Russ.).
4. Berezina OA. K On the linguistic representation of the category of impersonality. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* = *Questions of cognitive linguistics*. 2010;4(025):39-51. (In Russ.).
5. Voroncov RI. Pronouns of deconcretization in explanatory dictionaries of the Russian language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Tomsk State University*. 2004;501:5-13. (In Russ.).
6. Dereckaya ZA. Razvitie neopredelenno-lichnyh i obobshchenno-lichnyh predlozhenij v nemeckom yazyke = Development of indefinite-personal and generalized-personal sentences in German. Abstract of thesis. Leningrad; 1963. 14 p. (In Russ.).
7. Zhigadlo VN, Ivanova IP, Iofik LL. Sovremennyy anglijskij yazyk: Teoreticheskij kurs grammatiki = Modern English: Theoretical Grammar Course. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannykh jazykakh; 1956. 349 p. (In Russ.).
8. Ivanchenko TA. Linguistic means of expressing indefinite person reference in a literary text. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologii upravleniya i ekonomiki* = *Scientific notes of the Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics*. 2016;2(54):18-23. (In Russ.).
9. Kargina EM. Functional principle in the methodology of teaching foreign languages. *Vestnik PGUAS: stroitel'stvo, nauka i obrazovanie* = *PGUAS Bulletin: construction, science and education*. 2016;(1):84-89. (In Russ.).
10. Kuz'mina TA. Stilisticheskie i pragmaticheskie funkicii neopredelennoj referencii lica v hudozhestvennom tekste: na materiale nemeckogo yazyka = Stylistic and pragmatic functions of indefinite person reference in a literary text: based on the material of German. Abstract of thesis. Saint Petersburg; 2004. 20 p. (In Russ.).
11. Kul'gavaya VM., Plisenko AA. K voprosu o skrytyh kategoriyah v yazyke = On the issue of hidden categories in language // *Vestnik IrGTU* = *Bulletin of Irkutsk State Technical University*. 2013;4(75):267-270. (In Russ.).
12. Moskal'skaya OI. Grammatika nemeckogo yazyka = Grammar of German language. Moscow, Izd-vo literatury na inostrannykh jazykakh; 1956. 393 p. (In Russ.).
13. Nekrasova IM. «Bezagentnye» struktury: passiv i ne tol'ko = «Agentless» structures: passive and not only. Perm', PGGPU; 2016. 144 p. (In Russ.).
14. Neupokoeva AV. Diskussiya ob «obobshchayushchej» referencii nominacij lic muzhskogo roda v nemeckom yazyke = Discussion on the general reference of masculine names in German // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* = *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*. 2008;74-1:365-368. (In Russ.).
15. Ovsyaniko-Kulikovskij DN. Sintaksis russkogo yazyka = Syntax of the Russian language. Saint Petersburg; 1912. 322 p. (In Russ.).
16. Popova NV. Sochetaniya haben + zu + infinitiv i sein + zu + infinitiv v sovremennom nemeckom yazyke i sposoby ih perevoda na russkij yazyk = Combinations «haben + zu + Infinitive» and «sein + zu + Infinitive» in modern German and ways to translate them into Russian. Abstract of thesis. Leningrad; 1954. 16 p. (In Russ.).
17. Smolyanskij IM. Razvitie formy dolzhenstvovaniya v nemeckom yazyke = Development of the form of obligation in German. Abstract of thesis. Leningrad; 1961. 18 p. (In Russ.).
18. Cyganova IA. German sentences with the subject man and main ways of translating them into Russian. *Uchenye zapiski LGU* = *Scientific notes of Leningrad State University*. 1959;45(253):114-121. (In Russ.).
19. Shendel's EI. Grammatika nemeckogo yazyka = Grammar of German language. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannykh jazykakh; 1952. 368 p. (In Russ.).
20. Bech G. Studien über das deutsche verbum infinitum. Kobenhavn; 1955. 312 p. (In Germ.).
21. Erben J. Abriss der deutschen Grammatik. Berlin: Akademie-Verlag; 1960. 208 p. (In Germ.).
22. Paul H. Deutsche Grammatik. Bd.3. Halle; 1955. 472 p. (In Germ.).
23. Schneider W. Stilistische deutsche Grammatik. Basel, Freiburg, Wien; 1959. 276 p. (In Germ.).

24. Sütterlin L. Die deutsche Sprache der Gegenwart. Leipzig, 1960. 451 s. (In Germ.).

Сведения об авторе

Е. М. Каргина — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки».

Information about the author

E. M. Kargina — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 20.08.2025; одобрена после рецензирования 31.08.2025; принята к публикации 25.08.2026.

The article was submitted 20.08.2025; approved after reviewing 31.08.2025; accepted for publication 25.08.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.